

18+

Борис Сударов

**Это было недавно,
это было давно**

Воспоминания о 30-х, 40-х, 50-х

Борис Сударов

**Это было недавно, это было давно.
Воспоминания о 30-х, 40-х, 50-х**

«Издательские решения»

Сударов Б.

Это было недавно, это было давно. Воспоминания о 30-х, 40-х, 50-х
/ Б. Сударов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850939-1

Судьба белорусского городка Мстиславля в годы немецкой оккупации. Здесь был свой Бабий Яр... Судьба еврейского мальчика, которому удалось спастись. Автор описывает события, участником и свидетелем которых он был. В повести, которая является художественным произведением, изменены имена некоторых героев и географические названия. Но в завершающей, документальной части книги «Моя родословная» всё названо своими именами.

ISBN 978-5-44-850939-1

© Сударов Б.
© Издательские решения

Содержание

Это было недавно, это было давно	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Это было недавно, это было давно

Воспоминания о 30-х, 40-х, 50-х

Борис Сударов

Редактор Мария Романушко

© Борис Сударов, 2020

ISBN 978-5-4485-0939-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это было недавно, это было давно

Повесть

Светлой памяти моих родителей

Глава первая

Последнее время Юрий Иванович стал плохо спать. Опасаясь привыкания, снотворным он пользоваться не хотел. Вот и сейчас уже глубокая ночь, а он глаз не может сомкнуть. Ветер играл тонкими, лёгкими шторами, сквозь которые в комнату пробивался бледный свет звёздного ночного неба.

Неожиданно разразилась гроза. Небо вдруг заволокло тучами, засверкала молния, раздалась раскаты грома, по подоконнику забарабанили первые капли дождя. Юрий Иванович встал, закрыл окно. Глянул на часы: было без четверти четыре. Он лёг в надежде хоть пару часов поспать. Но это ему никак не удавалось. Лёжа в темноте с закрытыми глазами, он вспоминал прожитую жизнь.

Память нередко, как сейчас, возвращала его в родной город Мстиславль, туда, где он родился и прошло его детство, в небольшое белорусское местечко на границе со Смоленщиной. С щемящей грустью вспоминал он родной дом и дворик с амбаром и сараем; сеновал с душистым пахучим сеном; неповторимый аромат цветов и сладкий запах медовых трав под окном; утопающие в зелени садов соседские домики; своих друзей – мальчишек: Бомку, Муньку, с которыми босиком гоняли футбольный мяч в детстве и которые сейчас покоятся в общей братской могиле во рву на городской окраине.

Ещё мальчишкой в начале войны ушёл он из родного города, ушёл, чтобы никогда уж больше не вернуться туда. Но тёплые, нежные чувства к «малой родине» он сохранил на всю жизнь. Нередко брал в руки гитару и негромким, с лёгкой хрипотцой баритоном напевал о городе, «где родился он и рос, где с друзьями бегал бос и откуда бежать довелось...»

Юрий Иванович собрал довольно обширный материал о городе детства, чтобы написать книгу о нём, но до этого руки так и не дошли. А древний город этот, окружённый со всех сторон таинственными, увы, разрушенными ныне замками, курганами и рвами, стоит того, считает Юрий Иванович.

Ещё в языческие времена здесь, на высоком берегу Вихры, появились первые людские поселения, а позже возник и укрепленный город, форпост на пути к Смоленску. Место было неприступное, но городу не очень-то везло. Пожары несколько раз начисто сжигали его.

Более губительными были для города опустошительные войны, в которых не раз приходилось принимать участие горожанам.

В 15 веке геройски сражались они под Грюнвальдом, в 17 веке – гибли в затяжной войне между Московией и Речью Посполитой. Не обошла стороной эти места и Северная война, когда город посетил сам Петр Великий, и война с Наполеоном.

Но это всё – история, седая древность, то, о чём Юрий Иванович узнал из книг и справочников. А вот последняя, Великая Отечественная, война коснулась его уже непосредственно, и знает он о ней не понаслышке.

* * *

В то памятное воскресное июньское утро он ещё был в постели, когда услышал за окном голос своего дружка, жившего по соседству, Муника.

– Тётя Маня, Рува дома?

– Спит ещё твой Рува, приходи позже, – ответила мать.

– Я уже не сплю, мама! – крикнул Рува, вскакивая с постели. – Заходи, Муник!

Здесь, во дворе Вихриных, был штаб тимуровской команды, и Рува, этот щуплый светловолосый паренёк с веснушками вокруг курносого носа, был признанным её вожаком. В летнюю пору соседские мальчишки с самого раннего утра собирались тут и занимались своими ребячьими играми, которые имели явный военный уклон.

Непременными атрибутами при этом были самодельные деревянные пистолеты и сабли. А вчера на «военном совете» был утверждён грандиозный проект строительства... танка. Для этих целей ребята решили приспособить стоявшую в сарае без дела старую тележку. На ней в своё время возили хлеб на базар продавать.

Хлеб пекли ночью, а рано утром складывали пышные пахучие караваи в серые холщовые мешки, грузили их на тележку и отвозили на базар. В определённом месте бабушка устанавливала небольшой столик и приступала к работе. Тем и жила большая семья ещё с дореволюционных пор.

Тогда, при царе, одно время вместо столика на этом месте стоял бабушкин небольшой ларёк. Бывало, пьяные деревенские мужики вдруг наезжали в город и грабили стоявшие на базарной площади ларьки, опрокидывали их, а нередко и поджигали. Дважды таким образом и бабушкина клетушка превращалась в пепел. И решила она тогда больше не искушать судьбу. Ларёк Вихрины больше не ставили, а хлеб стали продавать с лотка.

По субботам бабушка, отец и мать Рувы ходили в синагогу. А возвращаясь, все садились за праздничный стол. Обед в этот день был вкусный и обильный: редька с жареными куриными шкварками, фаршированная рыба, морковник, который Рува очень любил, неизменный цикорий с топлёным молоком, к манящей бордовой плёнке которого Рува тоже был равнодушен, и многое другое. В общем, жили Вихрины тогда безбедно, хотя и довольно скромно.

Изредка два бабушкиных сына присылали из-за океана по несколько долларов. Братья уехали в Америку шестнадцатилетними мальчишками ещё до Первой мировой войны. Доллары, которые они присылали, бабушка не тратила, оставляла на чёрный день. И он пришёл, этот чёрный день, когда большевики приступили к ликвидации частного, и частная торговля была запрещена.

Для Рувиной семьи наступили нелёгкие времена. Но воспользоваться подарками своих заокеанских сыновей бабушка не успела. Однажды ночью в дом Вихриных явились призраки в чёрных кожаных куртках и потребовали сдать все драгоценности «для диктатуры пролетариата».

Драгоценностей у Вихриных не было, и призракам пришлось довольствоваться лишь теми немногими долларами, которые успела скопить бабушка.

С тех пор в большой семье Вихриных голодные годы изредка чередовались с относительно благополучными. В памяти Рувы навсегда остались толпы людей, штурмующие раймаг, в надежде получить заветных пару метров ситца, бесконечные очереди за хлебом. Его, мальчишку, родители щадили, старались не привлекать ко всему этому. Но в самые предвоенные годы в очередях за хлебом и ему довелось постоять.

Однажды ранним морозным утром он пошёл к магазину, чтобы сменить стоявшую с ночи и совсем закоченувшую мать.

– Постой немного, сынок, я пойду погреюсь, – сказала она.

К открытию, однако, мать задержалась, и хлынувшая в магазин толпа чуть было не затоптала мальчишку. Женщины закричали, заохали. Ребята постарше с трудом вытащили его из толпы еле живого. Маленький, щупленький, он стоял и не от боли, от обиды горько плакал, утирая кулаком мокрые щёки, не знал, что ему делать: то ли ждать маму, то ли домой бежать?

– Ну, ну, не горюй, парень, – положи руку на плечо мальчика, успокаивал его Петька Кузьмин, приятель старшего брата Рувы. – Или ты не мужчина?

А затем то ли из озорства, то ли из жалости предложил своим друзьям забросить парня через толпу в магазин. Иначе, дескать, без хлеба останется.

Не успел Рува сообразить, шутят старшие ребята или на самом деле хотят его, словно мячик, бросить в магазин, как его уже взяли за руки, за ноги и, раскачав, бросили через головы столпившихся у входа людей внутрь магазина.

Буханка чёрного хлеба, которую грыз Рува, идя в то холодное морозное утро домой, казалась ему слаще медового пряника, и вкус её запомнился мальчику на всю жизнь. Но тогда он не предполагал, что впереди его ждут и более голодные, и более страшные испытания. Впереди была – война...

* * *

В то воскресное июньское утро они с ребятами здорово поработали над сооружением своего «танка». В полдень Рува забежал в дом, чтобы чем-то полакомиться, – сухариком или кусочком сахара, – и на пороге растерянно остановился. У чёрной тарелки репродуктора, висевшего на гвоздике в столовой, стояли две его старшие сестры, Рита и Рика. Они были чем-то взволнованы, озабочены и сосредоточенно смотрели на репродуктор, откуда слышался слегка заикающийся голос: «... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...» После этих слов наступила пугающая тишина, затем грянула музыка.

Больная мать, лёжа в постели, заохала, запричитала: «Господи! Какая беда! Какое горе! Велинке, зунеле! Велинка, сыночек!..»

Старший брат Рувы, сержант Владимир Вихрин, проходил действительную службу в Бресте и сейчас оказался, как полагала мать, в самом пекле. «Его уже, наверное, нет в живых, – глотая слёзы, всхлипывала мать. – Бедное дитя! Бедный сыночек!»

– Мама, что случилось? – Ещё не понимая, что произошло, спросил Рува.

– Война, Рувочка, – ответила за мать Рика. – Немцы напали на нас.

Вскоре явился с базара отец. Он с утра ушёл туда, чтобы купить дров на зиму.

– Вы уже всё знаете, – бросил он с порога, глянув на своих встревоженных домочадцев. Рассказал о том, как было воспринято известие о войне на базаре.

Он приценивался к очередному возу дров, когда его бесцеремонно кто-то оттолкнул в сторону и вскочил на телегу. Отец узнал секретаря райкома, которого часто видел на трибуне в дни первомайских и октябрьских демонстраций; не раз руководитель района приезжал и к ним на спиртзавод.

– Товарищи! Только что по радио объявили: гитлеровская Германия напала на нашу страну! Немецкая авиация бомбила Киев, Минск, Брест, другие наши города... Немедленно разъезжаетесь по домам и готовьтесь к защите Родины!..

Не успел секретарь закончить свою речь, а весь базар уже пришёл в движение. Война! Зашумела, заголосила, загудела базарная площадь, мгновенно превратившись в огромный цыганский табор, по тревоге снимающийся с места. Повсюду слышались громкие голоса, проклятия в адрес Гитлера. Мужики запрягали лошадей, перед дорогой потуже затягивали верёвки, скреплявшие так и непроданные дрова или сено. Женщины, надрываясь, скликали

куда-то отлучившихся своих детей. Старики ворчали: зноу, стало быть, з германцем ваявать, мать яго пройбу!

Вскоре опустела и притихла базарная площадь. И лишь неубранный конский помёт да повсюду разбросанные пучки сена, лениво перекатывавшиеся на ветру, напоминали о том, что ещё совсем недавно здесь был большой воскресный базар.

Уже через несколько дней Рува впервые услышал слово «беженцы». Женщины и дети, преимущественно еврейские, из западных приграничных областей вдруг стали появляться в городе. Некоторые из них, измученные, голодные, заходили и в дом Вихриных, где находили временный приют. Они рассказывали о том, что пришлось им пережить, о потере близких, о бомбёжках и пожарах. А через пару дней, отдохнув и запасясь кое-какими продуктами, беженцы вновь отправлялись в путь, надеясь добраться до Брянска или Смоленска, куда, думали они, немцев уж никак не допустят, и там дожидаться конца войны.

* * *

Немецкая армия между тем стремительно продвигалась в глубь страны. По сводкам Информбюро, бои шли уже у Могилёва.

Как-то вечером, когда в доме все уже легли спать, Рува услышал разговор отца с матерью в спальне. Они говорили тихо, полусшёпотом, но всё было слышно.

– Немец скоро может быть здесь, – размышлял отец.

– Надо быстрее уезжать. Многие уже уехали. Хазановы, Брайнины, Гуревичи... – Мать хотела продолжить, но отец недовольно перебил её.

– Как мы можем уехать, если ты со своим радикулитом даже с постели не можешь подняться? К тому же станцию разбомбили, поезда уж несколько дней не ходят.

– Надо как-то достать лошадь и добраться до Рославля. Пожить неделю-другую у Соломона, а там, смотришь, и война кончится. В случае чего оттуда можно в Москву податься, к Соне с Цилей.

У дяди Соломона, папиного брата, и тётки Фани, папиной сестры в Рославле, Рува и Рика несколько лет тому назад побывали в гостях и очень сдружились тогда со своими двоюродными сёстрами Соней и Ритой. И предстоящая поездка в Рославль Руву очень обрадовала.

– Попробуй, найди сейчас лошадь, – хмуро бросил отец.

– В крайнем случае оставите меня здесь, – продолжала мать. – Лёкса присмотрит за мной. А вам всем надо уходить из города, пешком, но выбираться отсюда.

Старая Лёкса, о которой шла речь, жила рядом с домом Вихриных в полуразвалившейся избёнке. В былые годы она помогала Вихриным по хозяйству, нянчила их детей, чем и кормилась. Мужа её давно не было в живых, а единственная дочь Марфа уехала куда-то на заработки, и много лет о ней не было ни слуху, ни духу. Жила Лёкса отшельником, ни с кем не общалась и лишь изредка заходила к Вихриным, чтобы взять в долг рубль-другой, немного хлеба или молока. Долг этот она никогда не возвращала, и о нём никто ей никогда не напоминал.

Чем закончился разговор отца с матерью в тот вечер, Рува так и не узнал, безмятежный детский сон сморил его, и он больше ничего уже не слышал.

Рано утром отец куда-то ушёл, и его долго не было. А вернувшись, он объявил:

– Вот что, дети, – немцы не сегодня-завтра могут быть здесь, и мы с мамой решили, что вам надо уходить из города.

– А вы остаётесь, что ли? – с удивлением посмотрела на отца Рита.

Старшая дочь в семье Вихриных, черноволосая красавица Рита не одному парню в городе вскружила голову, но замуж вышла за чужака. Её воображение пленил Рафик Вольфсон, молодой лейтенант, приехавший летом тридцать восьмого года после окончания танкового училища на побывку к своим родственникам. Вместе и отправились тогда к месту службы лейтенанта под Минск. А в июне сорок первого Рита с двухлетним Лёником приехала на лето к родителям. Тут и застала её война.

– Я сейчас в извозческой артели пытался достать лошадь, – продолжал отец, – но, к сожалению, ничего не получилось. А пешком, вы знаете, мама не сможет. Так что мы с ней остаемся. Бог даст – всё обойдётся. А вы собирайтесь, я вас провожу. Доберётесь до Рославля. Там дядя Соломон вам поможет.

– Не представляю, как я с Лёником проделаю такой путь, – засомневалась Рита.

– Ты же не одна будешь, с тобой Рика и Рува пойдут, успокаивал её отец. – Я сейчас приготовлю тележку, на ней и повезёте Лёника и вещи. Сегодня из города многие уйдут, будете держаться вместе.

Не без слёз попрощавшись с матерью, дети вскоре отправились в путь. Отец вывел их за город, но возвращаться не торопился. Вскоре к Вихриным стали присоединяться другие покидавшие город люди – в одиночку и целыми семьями. Они молча шли, изредка перекидываясь двумя-тремя словами. Во второй половине дня вдруг повеяло свежестью, и впереди засеребрилась река. Толпа людей на берегу ждала парома, который, скрипя канатами, медленно приближался к пристани.

– Папа, тебе пора возвращаться, – напомнила отцу Рита.

– Посажу вас на паром и пойду обратно, – ответил Вихрин.

В это время, откуда ни возьмись, путников накрыл целый пчелиный рой. Люди в панике стали разбегаться в разные стороны, пытаясь спастись от неожиданной напасти. Они яростно размахивали платками, закрыв лицо руками, падали в придорожную канаву. Но пчёлы повсюду настигали их и безжалостно жалили...

– Папа! Лёника прикрой! – бросилась к тележке Рита. Она прижалась к сыну, укрыв его своим телом.

Пчелиный рой так же неожиданно исчез, как и появился. Искушенные, перепуганные, с опухшими лицами люди стали приходить в себя. Дети плакали, взрослые чертыхались.

Паром, наконец, причалил к берегу. Опасаясь, что всех он сразу не возьмёт, люди с узелками, рюкзаками, тележками торопливо устремились на его щербатые, сырые мостки. Кто-то вёл под уздцы лошадь, тянувшую за собой гружёный домашним скарбом воз; держась за него, рядом шли старики, женщины, дети.

Прощание Вихриных было коротким и тягостным. Никто не знал, что ждёт каждого из них впереди: когда ещё доведётся им встретиться? Их лица выражали тревогу и смятение, а в глазах были слёзы. Вихрин долго стоял на песчаном откосе, тоскливым взглядом провожая изрядно осевший и медленно удалявшийся паром. И лишь когда тот причалил к берегу и опустил его помост, Вихрин отправился в обратный путь.

Поздним вечером, усталый и голодный, входил он во двор своего дома. И хотя на душе кошки скребли от неизвестности, как всё сложится в дальнейшем, они с женой испытывали чувство облегчения оттого, что дети теперь в безопасности – им, как считали родители, ничего не угрожает. Бог даст, думали они, через несколько дней дети доберутся до Рославля, и Соломон поможет им сесть в поезд на Москву. Там Циля и Соня, они приютят их.

Но Бог решил иначе.

* * *

Рано утром, чуть стало светать, Вихрины проснулись от неясного гула, доносившегося откуда-то издалека, с западной части города.

– Иосиф, слышишь? – с тревогой толкнула в бок спящего мужа Маня. Вихрин проснулся, прислушался. Гул быстро усиливался и вскоре перерос в шум, а затем и в хорошо различимый металлический грохот. Вихрин метнулся к окну, но ничего не увидел. Он быстро оделся и вышел на улицу. Из соседних домов тоже уже выходили встревоженные люди. У всех на лицах был один вопрос: наши или немцы!?

Ответ не заставил себя долго ждать. Через минуту-другую на дороге, пересекавшей город с запада на восток, показались мотоциклисты, за ними двигались машины и танки. В город входили немецкие войска...

Хотя в таком исходе дела к тому времени уже мало кто сомневался в городе, тем не менее для всех это было неожиданным и непонятным. Так скоро врага здесь никто не ожидал.

Вихрин стоял и думал: «Как же так, почему без единого выстрела врагу сдали город? Где же наши войска? И что с детьми, успеют ли они добраться хотя бы до Рославля? Там спасительная железная дорога, оттуда можно попасть в Смоленск или в Москву».

Однако на следующий день, в полдень, к величайшему огорчению родителей, на пороге дома появились их дети.

– Что случилось, почему вы вернулись? – отец, мастеривший что-то в столовой, застыл с рубанком в руках. В его голосе и интонации были досада и отчаяние, бессилие и страх.

– Поздно, папа, – за всех ответила Рита, устало опускаясь с Лёником на диван. Она старшая, она принимала решение, ей отвечать перед отцом. – На Варшавском шоссе нас обогнали немецкие танки, идти на Рославль потеряло всякий смысл, и мы решили вернуться.

– Ай, ай, ай! – раздался голос матери из спальни. – Что же теперь будет? – Мать пыталась приподняться, но боль сковывала её движения, и она беспомощно опустилась на подушку.

– Мы не одни, – оправдывалась Рита, – Бейлины, Хенкины, Цейтлины тоже вернулись.

В это время отец вдруг увидел в окне двух немецких солдат, входящих во двор. На груди у них болтались автоматы, у одного в руках была небольшая корзинка.

– Немцы к нам идут, – испуганно сказал отец, – идите быстро все в спальню.

Дети вскочили, вышли из столовой и закрыли за собою двери.

Солдаты пошарили во дворе, заглянули в сарай, затем вошли в дом.

– Млеко, яйца! – потребовали они с порога.

Вихрин пошёл на кухню, взял с полки несколько яиц и дал их солдатам.

– Млеко!?

Молока в доме не было, и отец развёл руками.

– Юде?! – презрительно ткнул отца в живот один из солдат.

Вихрин ничего не ответил, молча смотрел на незваных гостей. Тот, что с корзиной, пошёл на кухню, глянул на полки – там ничего существенного не нашёл; открыл шкафчик, стоявший у окна, обнаружив в нём банку с вареньем, снял с банки крышку, сунул туда палец и облизал его.

– Гут, – одобрительно произнёс солдат и, закрыв банку, отправил её в свою корзинку.

Собрав нехитрый оброк, немцы ретировались. Перед уходом солдат ещё раз ткнул пальцем отца в живот, сказал «юде» и добавил:

– Пиф-паф! – Затем громко засмеялся и вышел со своим напарником за дверь.

Во дворе в это время, на свою беду, гулял соседский петух. Был он большой и необыкновенно красивый, с чёрно-красными крыльями и зелёной шеей, с огромным малиновым гребешком; перья его, словно покрытые лаком, ослепительно блестели на солнце. Его знала

и любила вся улица, особенно дети. Этот голосистый трудяга каждый раз звонко извещал окрестных жителей о наступившем рассвете или предстоящей смене погоды. Он жил на воле, кормился, чем бог пошлёт, на соседских дворах и огородах и был предметом всеобщего внимания, а детвора его просто обожала. С детьми он был покладистый, и они кормили его с руки зерном или крошками хлеба, а к взрослым петух близко не подходил, при виде их он ворчал и нахохливался, был агрессивен, порой норовил и клюнуть, за что и был прозван Буяном.

И вот этот красавец-петух, на своё несчастье, попался на глаза выходящим из дома солдатам.

– Kuck mal, Helmut! Смотри, Гельмут! – сказал один из них, указывая на петуха.

– Oh, man mus ihn fangen! О, надо его поймать! – бросил другой, тот, что был с корзинкой. Он поставил свою ношу на ступеньку крыльца, и вдвоём солдаты начали осторожно подкрадываться к Буяну. Петух, почувствовав опасность, стал вприпрыжку уходить от преследователей, они за ним. Вихрины из окна следили за тем, что происходило во дворе.

– Уходи, Буян, уходи! – не выдержал Рува.

Петух, словно услышав эти слова, хотел было юркнуть в подворотню, но солдаты опередили его, перекрыли ему путь к воротам.

– Komm von hinten! Заходи сзади! – в охотничьем азарте крикнул тот, кого звали Гельмут.

Бедному петуху, казалось, некуда было деваться, и солдаты, в предвкушении близкой победы, бодая друг друга, разом бросились на него, но... Буян взмахнул своими огромными крыльями и, буквально вырываясь из рук схвативших его было преследователей, оставляя у них в руках клочья перьев, успел всё же взлететь и опуститься на крышу сарая.

– Молодец, Буян! – радостно крикнул Рува.

Буяну ничего сейчас не стоило перелететь через забор и там, в саду, он оказался бы в полной безопасности, но петух не понимал этого, он медлил и, словно бы дразня своих преследователей: «накось, выкуси!» – дерзко и вызывающе смотрел на них с высоты сарая.

Однако радость его была преждевременной. В поединке с птицей человек оказался сильнее. Подвернувшейся под руки палкой один из солдат сбил бедного петуха на землю. Буян ещё долго трепыхался, ошалело крича, он отчаянно боролся за жизнь, царапал, клевал мёртвой хваткой уцепившихся в него солдат. Но финал был предreshён. Обезглавленную, наконец, птицу немцы небрежно бросили в корзину и, довольные, вышли со двора, не закрыв калитку.

– Гады! – крикнул им вслед Рува.

– Ну вот и состоялось наше знакомство с новыми хозяевами города, – отходя от окна, мрачно сказал отец. – Отныне калитка пусть всегда будет заперта, и на улицу я прошу пока никого не выходить.

* * *

Полевые вражеские войска, отдохнув, пополнив баки танков и автомашин горючим, вскоре покинули город. Жители стали приводить в порядок опустевшие дворы и сады, где ранее стояла замаскированная немецкая техника; убрали сломанные деревья и сучья, ремонтировали заборы.

В городе появилась новая администрация, которая пыталась наладить хозяйственную жизнь, пустить остановленные спиртзавод, кирпичный завод, мельницу, пекарню, однако сделать это было непросто. Все предприятия были выведены из строя, многие специалисты покинули город, и на первых порах удалось лишь наладить работу мельницы, больницы и пекарни. Ввести в строй спиртзавод никак не удавалось, и Вихрин оставался безработным. Его не оставляла мысль, как прокормить семью.

Имевшиеся небольшие запасы продуктов очень скоро иссякли, денег не было, и тогда в ход пошли вещи. По уграм, отобрав какую-нибудь скатёрку, кофточку или пару простыней,

отец или уже поправившаяся к тому времени мать отправлялись на толкучку и продавали или обменивали вещи на продукты. Иногда добрая старая Лёкса приносила что-нибудь со своего огорода: то огурцов занесёт, то луку, а недавно притащила полмешка картошки – целое богатство!

Как-то вечером, в начале октября, размышляя о том, что бы завтра снести на базар, Вихрин бросил взгляд на кларнет, который покоился в самодельном деревянном футляре на своём обычном месте на комод. «Его, что ли, продать? – подумал он. – Когда ещё теперь доведётся – и доведётся ли вообще когда-нибудь играть на нём?»

Кларнет был не только предметом увлечения его хозяина, но и средством дополнительного заработка. В составе духового оркестра Вихрин принимал участие во всех торжествах и праздниках в городе. Летними воскресными вечерами музыканты играли на танцплощадке в городском парке или давали концерты в летнем театре, их неизменно приглашали на свадьбы и похороны в близлежащие деревни...

Вихрин открыл футляр, с грустью посмотрел на две чёрные половинки кларнета, с которым не расставался ещё с Первой Мировой, когда играл в полковом оркестре.

– Ты хочешь поиграть, папа? – удивилась Рита, кормившая Лёника.

– Да, пожалуй, – сказал Вихрин, хотя до этого играть не собирался. Он сложил две половинки, привычно прошёлся по клавишам, проверив звучание инструмента, – и скорбная, печальная мелодия полилась по дому. Кларнет заливался тягостными звуками, достигавшими крайних нот – от самых высоких до самых низких; грустная музыка порой переходила в настоящий берущий за душу горестный плач, в мольбу и стоны.

Вихрин играл сегодня словно последний раз в жизни – с каким-то особым вдохновением, с яростной страстью, которой дети ранее за ним не замечали; от глубины и избытка чувств глаза Вихрина увлажнились, и большая, словно градина, слеза покатила по его щеке.

Детям стало как-то не по себе от этого, они переглянулись, но продолжали молча, сосредоточенно слушать музыку, которая словно приворожила их; они сердцем чувствовали и плач и слёзы, льющиеся из кларнета, и с упоением ловили каждый звук мелодии, которая так соответствовала состоянию их души, их настроению.

Закончив играть, Вихрин провёл мизинцем по влажным глазам, затем, разобрав кларнет, тщательно протёр фланелевой тряпочкой мундштук и стал аккуратно укладывать инструмент в футляр.

– Нет, пока не буду его продавать, – решил он.

– Папа, а что ты играл сейчас, что это за музыка? – спросил Рува.

– Это «Плач Израиля», сынок, так она называется, – ответил отец.

– Уж очень грустная, – сказала Рика.

– Потому и название у неё такое.

Отец не склонен был сейчас говорить о музыке, ему хотелось помолчать, поразмыслить, как жить дальше. Его страшила неизвестность. Как обстоят дела на фронте? Говорят, вот-вот падёт Москва. Неужели это возможно? И что тогда будет с ними?..

* * *

Вскоре среди населения поползли тревожные слухи о том, что в некоторых городах немцы произвели массовые расстрелы евреев. И Вихрин уже в который раз укорял себя за то, что не смог вывезти семью, за то, что дети сейчас по его вине оказались в опасности.

А во второй половине октября город вдруг наводнили полицейские, собранные со всего района. «Что бы это значило? – думал Вихрин. – Что они затевают?» В тот день к ним в дом вошла встревоженная Лёкса.

– Слыхал? – с порога обратилась она к Вихрину, который, готовясь к зиме, замазывал щели в оконной раме в столовой. – Полицаи понаехали.

– Слыхал, – мрачно ответил Вихрин.

– Не к добру то, Иосиф, чуе мое сердце.

– Да уж хорошего не жди, – вытирая тряпкой руки, ответил Вихрин.

– Ты вот что – дай мне вашага Лёньку, няхай хлопчык у мяне пабуде. А кали спросяць, скажу – внучок мой, Марфы сын. Ён жа бабой мяне заветь, – вот и буду яму бабой.

– Папа, ты считаешь – всё обстоит так серьёзно? – побледнев, спросила присутствующая при разговоре Рита.

– Всё может случиться, доченька, – уклонился от прямого ответа отец.

Поздним вечером, собрав в наволочку одежду для сына, Рита отвела его к Лёксе. Сонный Лёник никак не мог понять, отчего мать так встревожена, прощаясь с ним, почему глаза её полны слёз.

Ночью в доме Вихриных долго никто не мог уснуть, все были в ожидании самого худшего.

А рано утром, чуть стало светать, за окном слышались шаги. «Всё кончено», – подумал Вихрин, всю ночь не сомкнувший глаз.

Вошедший полицейский объявил о приказе всем евреям собраться во дворе педагогического училища и, разрешив взять с собою лишь деньги и драгоценности, вывел Вихриных из дома в холодную предзвездную мглу.

Из соседних домов стали выводить другие еврейские семьи. По мере продвижения толпы к месту сбора в неё вливались всё новые и новые обречённые. Рядом с Вихриными шли их дальние родственники Дыментманы. Глава семьи, высокий, всегда стройный, а сейчас согбенный, сутулый Исаак нёс на руках годовалого внука Лёвочку; по бокам, чуть сзади, – жена и дочь Вера.

– А где Лёник? – вопросительно глянула Вера на Риту.

– Я оставила его Лёксе, – тихо ответила Рита.

– Мне Лёвочку некому было отдать, – посетовала Вера.

«Вы-то почему остались? – подумал Вихрин о Дыментманах. – Могли ведь нанять или даже купить лошадь, денег у вас для этого было достаточно, – и уехать. Понадеялись, что немцы вас не тронут, вернут вам конфискованную Советами маслобойку и ваш кирпичный дом? Ах, Исаак, Исаак, наивный ты человек, если на это рассчитывал!»

На Пироговской к идущим присоединились Эртманы, Златкины, Сагаловы, семьи двух братьев-кузнецов Бейлиных.

«И ты ведь мог уехать, – посмотрев на маленького Якова Эртмана, подумал Вихрин, – и тоже остался. Решил, что обойдётся, что не тронут тебя немцы. Как жестоко мы все просчитались, Яша! Теперь каждый из нас будет платить: кто за наивность, кто за беспечность».

В толпе обречённых выделялся своим необычным видом бородастый, с густыми чёрными пейсами высокий старик, совесть еврейской общины города Арон Хесин. Он был облачён в белый с чёрными полосами праздничный талес и чёрную бархатную ермолку на голове; в правой руке он держал небольшой, в коричневом кожаном переплёте молитвенник – самое ценное, что у него было, слева под руку его поддерживала дочь Дыся. Старик шёл и всё время что-то бормотал, призывая соплеменников смиренно принять ниспосланную им Богом кару, достойно встретить свой последний час.

Однако в то холодное осеннее утро не все столь покорно шли навстречу своей трагической судьбе. Одни, оказав сопротивление полицейским, погибли у себя во дворе или в доме, другим удалось выбраться из города, и они нашли приют в деревнях в семьях добрых верующих людей или, встретившись с партизанами, стали бойцами партизанских отрядов. Кому-то из тех, кто бежал из города, не повезло и, обнаруженные полицейскими спустя несколько дней в лесу, они разделили участь расстрелянных горожан¹.

Но обо всём этом известно станет позже, уже после освобождения города. А в то раннее октябрьское утро сотни стариков, женщин, детей, понури́в головы, но всё ещё на что-то надеясь, во что-то веря, молча, обречённо заканчивали свой жизненный путь.

«Евреи, соблюдайте спокойствие, и они нас не тронут!» – призывал идущих руководитель общины Григорий Болотин.

Вихрину поначалу тоже никак не хотелось верить, что это всё, конец, и в глубине его души теплилась слабая надежда на то, что ещё не всё потеряно, что им сохранят жизнь, и лишь, как было объявлено, переведут в другое место.

Однако желаемое чудо не свершилось, и всякие иллюзии на благополучный исход у Вихрина испарились, как только у всех собранных во дворе педучилища евреев были отобраны деньги и ценности и их повели в ров на окраину города.

Люди, толпившиеся на тротуаре по обе стороны дороги, молча провожали скорбную процессию.

– Доченька, вам с Рувой надо бежать, – обращаясь к Рике, тихо, чтобы не услышал идущий вблизи полицейский, сказал отец. – Постарайтесь выбраться из города; вы не похожи на евреев и можете ещё спастись; где-нибудь в деревне добрые люди помогут вам; бегите, детки!

Однако Рика медлила. Полицейский был рядом, и незамеченной она никак не могла выйти из колонны. «Сейчас свернём направо и начнём спускаться в ров, – с горечью подумал Вихрин, – там уже трудно будет бежать».

Вдруг впереди в толпе кому-то стало плохо, потерявшую сознание женщину вынесли на обочину, и родные стали хлопотать возле неё. Полицейский, шедший рядом с Вихриными, поспешил туда, и Рика не преминула воспользоваться этим. Она схватила брата за руку, и оба юркнули на тротуар, сразу растворившись среди стоявших там людей. «Помоги вам Бог», – облегчённо вздохнув, неслышно прошептал Вихрин и мысленно попрощался с детьми.

Остаться на тротуаре им нельзя было – кто-то мог выдать их; уходить из города сейчас, днём, когда не исключалась возможность наткнуться на полицейский патруль, тоже было небезопасно; и Рика решила дожидаться вечера в густом кустарнике на ближайшей горе, куда они тотчас незаметно пробрались.

С горы хорошо видна была толпа обречённых, которую остановили перед большой ложбиной, с трёх сторон окружённой невысокими холмами. Там уже был вырыт огромный котлован. Однако глубина его оказалась недостаточной, чтобы вместить всех приговорённых, и заместитель начальника полиции Иван Ермоленко², отобрав два десятка евреев, способных держать в руках лопату, заставил их углубить котлован. Этим объяснялась двухчасовая пауза

¹ Ю. Эер, которого в городе считали не от мира сего, отказался следовать за полицейским, оказал сопротивление и был застрелен на пороге своего дома. Жена и муж Михлины, чтобы не попасть живыми в руки врагов, ушли в лес и там на одной сосне оба свели свои счёты с жизнью. Четырнадцатилетнему Б. Шифрину удалось бежать из-под расстрела и благополучно перейти линию фронта. А затем он с группой десантников был заброшен в немецкий тыл и до конца войны воевал в составе этой группы. Бежавших из города Т. Бейлину, А. Сагалову, сестёр Хенкиных и других спасли в деревнях селяне. Бежавшие М. Литвер, И. Новикова и другие через несколько дней были схвачены полицейскими и расстреляны.

² Через много лет женщина случайно узнает Ермоленко в Донбассе на Доске почёта среди шахтёров-ударников коммунистического труда. Суд приговорит предателя к расстрелу.

в ходе проведения казни, чем явно был недоволен немец, руководивший операцией. Он стоял в стороне хмурый, веточкой похлёстывая себя по сапогу и периодически нервно поглядывая на часы.

Те, кому вскоре предстояло взойти на свою Голгофу, покорно, молча ждали предназначенной им участи. В тоскливой тишине слышен был лишь монотонный голос Арона Хесина, напевно читавшего молитву.

Когда все подготовительные работы были закончены, палачи, наконец, приступили к делу. Небольшими группами они подводили свои жертвы к котловану, и с окрестных холмов на несчастных обрушивался смертельный свинцовый град.

Вихриных расстреляли одними из первых. Глотая слёзы, они молча шли на казнь, держа друг друга под руки.

– Прости меня, Маня, и ты, дочка, – дрожавшим от волнения голосом сказал Вихрин, подходя к котловану.

– За что, папа? – спросила Рита.

– За то, что не сумел вас спасти...

Вихрин обнял их и хотел ещё что-то сказать, но прозвучали выстрелы, и так, обнявшись, они вместе оставили этот жестокий, несправедливый земной мир.

Вместе с убитыми в котлован падали раненые и ещё живые. Это установит позже специальная комиссия, которая сразу после освобождения города произведёт эксгумацию захоронения.

Когда очередную группу, в которой находилась Вера Дыментман, подводили к месту казни, Лёвочка у неё на руках вдруг заплакал, и, до конца исполняя свой материнский долг, она дала грудь своему ребёнку, в таком положении, в позе кормящей матери, её и обнаружит комиссия; малыш при этом, укрытый материнской грудью, окажется без единой царапины – он был одним из многих, заживо погребённых в этом адском котловане.

Арон Хесин, идя на расстрел в последней группе, на ходу совершал прощальный кадеши – зауспокойную молитву – по своим убиенным единоверцам; его громкий, пронзительный, надрывный голос, который раздавался перед холмами, окружавшими место казни, был слышен далеко вокруг; отголоски его доходили и до горы, где, от волнения колотясь в ознобе, томились в своём холодном, колючем укрытии Рика и Рува; пуля прервала молитву, как только старик подошёл к котловану; лёгкое ранение в плечо не было смертельным, но, упав в кровавое месиво на тела расстрелянных, он, ещё живой, ушёл в тот день в вечность вместе со всеми своими тысячью погибшими соплеменниками. При эксгумации Арона Хесина опознают по истлевшим страницам и ещё сохранившемуся кожаному переплёту молитвенника, который он сжимал в своей мёртвой руке.

* * *

До позднего вечера Рика и Рува пробыли в своём укрытии на горе в кустах, а как стемнело – переулками, садами и огородами, опасаясь встречи с патрулями, стали пробираться к своему дому. В городе им больше оставаться нельзя было, и они решили зайти домой, взять кое-что из вещей и податься в какую-нибудь дальнюю, глухую деревню, где их никто не знает и не выдаст немцам, и там ждать прихода Красной Армии. А в том, что через месяц-другой она придёт сюда, сомнения у них не было.

Небо почти сплошь было закрыто тяжёлыми чёрными тучами. Они грозно нависли над землёй, готовые вот-вот разразиться холодным осенним дождём или снегом. Луна лишь на миг робко появлялась в редких лиловых просветах и затем вновь скрывалась в далёкой тёмной толще небосклона.

Через лазейку в дощатом заборе Рика и Рува из соседнего сада пролезли к себе во двор и, выглянув из-за сарая, в тревоге застыли на месте.

– В доме, кажется, кто-то есть, – прошептала Рика.

Они притаились, стали ждать. Тусклый свет луны, выглянувшей из-за туч, падал на окна в столовой, и Рика с Рувой напряжённо всматривались вовнутрь дома, пытаясь сквозь темноту что-то там разглядеть.

– Никого там нет, тебе показалось, – не выдержал Рува.

Они подождали ещё немного, прислушались, затем вышли из своего укрытия. Рика сунула руку под крылечко, в привычном месте взяла ключ, и они тихо подошли к двери. Но ключ не потребовался, дверь была не заперта. Это озадачило и насторожило их, но, мгновение поколебавшись, Рика бесшумно открыла дверь (она не скрипнула – незадолго до этого отец смазал петли машинным маслом), и они вошли в столовую. И двух шагов не ступив, Рика, шедшая впереди, вдруг от неожиданности вздрогнула, предупредительно коснулась рукой брата и замерла на месте.

Через слегка раскрытые дверные створки на фоне отблесков луны она увидела в зале двух человек и сразу узнала живших напротив мать и дочь Сериковых – Дуську и Любку, худая слава о которых давно была известна в городе. Муж Дуськи, Григорий, отбывал срок за воровство где-то в дальних краях, а сама Дуська промышляла спекуляцией и мелким воровством. Таскала, и не раз попадалась на том, и со двора Вихриных: то дрова, то курицу, – ничем не брезговала.

Вот и сейчас Сериковы решили пожитьяся. Они сидели перед раскрытым чёрным комодом и, вполголоса переговариваясь, вытаскивали из него бельё, одежду, скатерти и запихивали всё это в большие тюфячные наволочки. Услыхав за спиной шорох, Дуська испуганно обернулась, встала.

– Ты гляди-ка, Люба, з таго света явились! – На лице Дуськи показалась недобрая улыбка.

Любка выпрямилась, потупив взгляд, молча смотрела куда-то в сторону. Ей было неловко за мать и за себя – ведь с Рикой они учились в одном классе.

– Что вам здесь надо? – Не зная, как вести себя в этой ситуации, спросила Рика.

– Не, ты подумай только! – с притворным возмущением, ударив руками по бёдрам, воскликнула Дуська. – «Что вам здесь надо?» Ты вот что, милая: убирайся-ка с твоим братом отсюда подобру-поздорову, пока я немцам не заявила.

– Мама, ну что ты, право! – робко промолвила Любка.

– А ты маучы, не твоё дело! – отрезала Дуська.

– Ну, гадина, подожди! – хотел крикнуть Рува, но сдержался. – Наши придут – на коленях прощения будешь просить.

– Сейчас же убирайтесь отсюда! – повторила Дуська.

– Мама! – укоризненно посмотрела на мать Любка.

– Маучы, сказала! Знаю, что кажу!

– Ладно, – сказала Рика, – мы сейчас уйдём, только возьмём кое-что из вещей.

– Бяры, бяры, а тольки немцам усё дастанецца. – Дуська не сомневалась, что спастись им не удастся.

Рика подошла к платяному шкафу, открыла дверцу; порывшись, отыскала там свою любимую серую тёплую кофту и надела её на себя; передав брату его свитер, тоже попросила надеть; больше из шкафа брать ничего не стала; закрыв его, она окинула взглядом комнату, сняла висевший на гвоздике противогаз и освободила сумку. Дуська и Любка молча следили за тем, что она делала.

Затем Рика пошла на кухню, взяла в кухонном шкафчике краюху хлеба, пару огурцов, в пустой спичечный коробок насыпала немного соли и, положив всё в противогазную сумку, направилась к дверям. Брат, как тень, всё время следовал за нею.

На выходе, у самой двери, они задержались, сняли с вешалки свои пальто, Рува надел зимнюю шапку, и они молча вышли из дома, погрузившись в ночную темень.

– Зайдём к Лёксе, пусть знает, что мы живы остались, – тихо сказала Рика, когда они вышли за калитку, – и с Лёником попрощаемся.

Мёртвая, тревожная тишина окутала город, и лишь откуда-то издалека, со стороны базарной площади, слышались пьяные голоса орущих полицаев, празднующих кровавую победу.

Рика тихо постучала в маленькое оконце. Ответа не последовало.

Постучала ещё раз, чуть погромче.

– Кто там? – раздался, наконец, с печи сонный голос Лёксы.

– Это я, бабушка, – Рика, – глухо прозвучал ответ.

– О, Господи! – Испуганно, после паузы, воскликнула Лёкса, слезая с печи. Потом в окошке показалась её голова, лицо словно прилипло к стеклу. Она опасалась встретиться с призраком, но, увидев живого человека, быстро открыла дверь. – Господи, помилуй! Живые!? – не верилось Лёксе. Она торопливо закрыла за вошедшими дверь.

– Нам удалось бежать, – сказала Рика. – Сейчас мы уйдём из города, зашли вот только попрощаться.

– Куды ж на ночь-то глядя, деточки? – сокрушалась Лёкса.

– До утра нам тут нельзя оставаться, бабушка, пока темно – надо выбраться из города.

– Ах, ироды проклятые, што робять! За што людей изничтожают? – возмущалась старуха, зажигая свечу.

Лёник лежал на полу, на расстеленном кожухе, наполовину укрытый старым ватным одеялом, и, тихо посапывая, крепко спал, раскинув во сне ручки.

Рика и Рува подошли к малышу, долго молча смотрели на него. Затем Рика нагнулась и поцеловала его.

– Прощай, малыш, – тяжело вздохнув, тихо сказала она.

Лёкса между тем поставила на стол миску с огурцами, вытащила из печи несколько ещё тёплых, оставшихся с обеда картофелин, нарезала хлеб. Всё это было весьма кстати: ведь за целый день во рту Вихриных не было ни крошки хлеба, ни капли воды.

Подкрепившись, они несколько пришли в себя после всего того, что довелось им за день пережить, немного расслабились, духота разморила их. Им бы сейчас никуда не уходить отсюда, забраться на тёплую печь и, забыв всё на свете, уснуть до утра молодым крепким сном.

– А, можа, никуды не пойдете сягонни, – словно подумав об этом, засомневалась Лёкса. – Пажывете у мяне, а?

– Нельзя, бабушка, спасибо, мы пойдём, – уходя от соблазна остаться и вставая из-за стола, решительно сказала Рика. – Узнают – и вас с Лёником расстреляют вместе с нами. Мы уж пойдём.

– А то пожилы б тут, хто узнае?

– Нельзя, бабушка, – твёрдо отрезала Рика. И рассказала о том, как Дуська выгнала их из родного дома, как погрозила выдать немцам.

– Ах, змея! Вот змея! – возмущалась Лёкса. – Вароука – она и ёсць вароука!

– Наши придут, ей припомнят это, – не удержался до сих пор молчавший Рува.

Лёкса собрала всё, что у неё было из продуктов, положила им в сумку, и они тронулись в неведомый, ничего хорошего не сулящий им путь. Тёмная осенняя ночь мгновенно поглотила их. Похолодало. Подул пронизывающий северный ветер. «Хорошо, что мы надели пальто, – подумала Рика. – Вот-вот пойдёт снег».

* * *

Она была старше брата всего лишь на два неполных года. Но сейчас этого было достаточно, чтобы ей принимать решения и чувствовать ответственность и за себя, и за него.

Ещё когда они сидели в кустах у костёла и дожидались темноты, чтобы пробраться к дому, Рика придумала легенду, которой они будут придерживаться после выхода из города: они из Могилёвского детдома (о нём много рассказывали им действительно бежавшие оттуда двое ребят, которые заходили к Вихриным ещё в августе), идут к своим дальним родственникам в Рославль; Рита и Юра Вихрины, русские; отца звали Иваном, мать – Маней. Им было легко скрыть своё семитское происхождение, так как ни по внешнему виду, ни по произношению они не были похожи на евреев. Оба были круглолицые, светловолосые, с голубыми глазами. Слегка скуластому лицу Рики особый шарм придавали ямочки на щеках и большая, туго сплетённая коса, кокетливо спускавшаяся через плечо до самого пояса. Ничем не скреплённый её конец часто распушался, и привычным занятием Рики в таких случаях было, склонив голову набок, своими пухлыми, короткими пальцами, словно чётки, перебирать и сплести его. В отличие от шустрого, хулиганистого брата, который учился неважно и видел себя в будущем то ли лётчиком, то ли танкистом, но обязательно военным, Рика была спокойной, уравновешенной, училась хорошо и мечтала через два года поступить в медицинский институт.

Но сейчас оба думали лишь об одном: как незамеченными побыстрее выбраться из города.

Они шли молча, бесшумно ступая, хорошо ориентируясь в кромешной тьме, – ведь здесь им были знакомы каждый бугорок, каждая канавка на дороге, которую за лето, бегая босиком, Рува успевал исколесить десятки раз. Миновали школу, больницу, далеко позади осталась базарная площадь и полицейская казарма, откуда не слышны уже были орущие голоса пьяных полицаев. Вот и кладбищенская ограда. За ней уже не было больше домов, и по обе стороны дороги тянулся густой тёмный лес.

– Слава Богу, выбрались из города, – облегчённо вздохнула Рика. – Скоро должна быть развилка.

Вдруг впереди, совсем близко, мелькнул огонёк – видимо, кто-то закуривал, послышался неясный, размытый разговор. Здесь был установлен полицейский пост, о чём беглецы не знали, не могли знать. Они остановились, замерли. Но поздно: их уже обнаружили.

– Гей! Кто там? Кто там?!

– Полицаи, бежим! – шепнула Рика.

Они бросились в спасительную чащу леса: она – направо, он – налево. И тут же зазвучали выстрелы. Рика услышала крики полицейских. Выстрелы и крики раздавались в той стороне, куда побежал Рува.

– Они меня не заметили, они преследуют Руву, – успела подумать Рика. – Господи! Хоть бы они его не догнали!

Спотыкаясь и падая, она поднималась и бежала, вновь падала и вновь поднималась и продолжала бежать. Ветки нещадно хлестали, в кровь царапали ей лицо, от быстрого бега закололо в боку, но она не ощущала боли, не останавливалась, всё дальше уходила в глубь леса.

Когда сбивалось дыхание и дышать становилось совсем невмоготу, она лишь ненадолго переходила на быстрый шаг, а затем снова бежала. Подальше, подальше от этих страшных мест!

Погода между тем резко изменилась. Мороз основательно жёг лицо и голые, без перчаток, руки. Усилился холодный северный ветер, под напором которого гнулись и жутко скрипели в ночной темноте стволы деревьев, а верхушки их, словно скошенные, с пугающим шумом

и хрустом падали на землю. Порывы ветра, терпимые в лесу, на встречавшихся по пути полянах сшибали с ног уставшую, обессиленную Рика.

В довершение всего пошёл снег. Такой погоды в этих местах Рика не помнила. Словно сама природа негодовала против жестокости и бесчеловечности людей. Ноги подкашивались от усталости, хотелось присесть и хоть немного отдохнуть, но холод и страх гнали её всё дальше и дальше от родных мест.

Вскоре забрезжил рассвет. Впереди мелькнула тусклая полоска света. По мере приближения к ней она становилась всё шире и шире, и вот уже показалась поляна, на краю которой, запорошенный снегом, стоял стог сена.

«Надо передохнуть», – решила Рика. Она остановилась на опушке, осмотрелась, затем, сбиваемая с ног порывами ветра, прошла к стогу, с трудом вырыла нишу в нём и, забравшись в сено, согреваемая собственным дыханием, тут же погрузилась в крепкий сон. Ей снились какие-то кошмары, волки, которые преследовали её с братом. Она хотела вскрикнуть, но не могла – что-то сдавило ей горло, трудно стало дышать. Рика проснулась в холодном поту и не сразу сообразила, где находится. Сердце её колотилось, казалось, вот-вот вырвется из груди. Придя в себя, она осторожно сползла на землю и, щурясь от яркого света, слепившего ей глаза, осмотрелась по сторонам, подумала, далеко ли ей удалось уйти и где она сейчас находится.

Погода между тем улучшилась, ветер прекратился, и чуть потеплело, лёгкий морозец лишь слабо сковал землю. Солнце не успело растопить выпавший за ночь снежок, и он сплошным белым ковром покрыл всю поляну; на ещё не потускневших нежных, хрустальных снежинках волшебным образом играли солнечные бело-розовые блики.

Почувствовав голод, Рика присела на сено и раскрыла сумку. Она съела холодную картошку с огурцом и хлебом и вновь подумала о брате: где он, что с ним, удалось ли ему убежать? Может, он сейчас голодный скитается где-то в лесу?

Вдруг внимание её привлёк какой-то неясный всё усиливающийся гул. Она прислушалась и вскоре отчётливо различила шум движущихся машин.

«Шоссейная дорога рядом, – поняла она. – Надо уходить отсюда».

Она быстро собралась и снова двинулась в путь. Чтобы не заблудиться, решила все же держаться вблизи дороги; идя лесными тропами, она то приближалась к ней, то вновь углублялась в лес.

К середине дня выпавший ночью снег быстро растаял, в лесу стало мокро и сыро. Несколько раз Рика проваливалась в мелкие подтаявшие лужицы, и ноги у неё основательно намокли. Из головы не выходили приснившиеся сегодня волки, они мерещились ей за каждым деревом и кустом, и оставаться ещё на одну ночь в лесу казалось Рике небезопасно.

«Надо найти пристанище где-нибудь в деревне», – решила она. К концу дня во рту у неё пересохло, хотелось пить, и она на ходу утолила жажду последним огурцом.

Поздним вечером входила Рика в небольшую деревушку, прилепившуюся на опушке редкого сосняка. Постучала в крайнюю избу, но никто не ответил; ещё раз постучала – опять молчание. Рика стояла в нерешительности, не зная, как поступить: то ли входить, то ли постучаться в следующую избу.

– Ну, что стоишь? Заходи, кали пришла!

Рика вздрогнула от неожиданности, обернулась. Перед нею стояла женщина на вид лет пятидесяти, маленькая, в старом потёртом ватнике, с толстым, тёплым платком на голове и охапкой дров в руках, на ногах – валенки с галошами.

– Здравствуйте! – начала было Рика, – хотела спросить, нельзя ли переночевать у вас?

– Так и будем стоять? – нетерпеливо прервала её женщина. Ей тяжело было держать дрова.

В избе было тепло и чисто. Две комнатки и кухня окружали большую печь – эпицентр всего жилья. В дальней комнате, у печки, стояла детская кроватка, в которой спал ребёнок, в углу висели небольшие две иконы.

– Сядай, – кивнула хозяйка на стул, стоявший у окна. Сама прошла в кухню, сбросила там дрова, зажгла керосиновую лампу, молча сняла платок и ватник, вымыла руки, прибрала волосы. Теперь она казалась Рике значительно моложе и добрее.

– Ну, рассказывай, кто будешь, адкуль и куды идеш? – нарушила наконец тягостное молчание хозяйка.

В деревне, куда попала Рика, жили русские и белорусы, и потому говорили здесь на смешанном русско-белорусском языке.

Кратко изложенную Рикой версию о разбомбленном Могилёвском детдоме Мария – так звали хозяйку – восприняла без какого-либо сомнения. За последние три-четыре месяца ей не раз доводилось слышать подобные истории, согреть не одну сиротскую душу, дороги войны приводили сюда, в скромный домик на краю села Сосновки, многих, кто нуждался в помощи и поддержке в этот трудный час.

Ещё четыре месяца тому назад в этом доме жила большая и дружная семья. Но в начале войны ушли на фронт муж Марии – Илья – и их восемнадцатилетний сын Захар. Осталась Мария с годовалым Алёшкой да с глухой и больной старухой-матерью Ганной, целыми днями гревшей свои старые кости на печи и выходявшей во двор только по крайней нужде.

Хозяйством (корова, два поросёнка, десяток кур) управлялась одна Мария, что было непросто при слабом её здоровье да ещё с малышом на руках. И она была рада, когда в ответ на предложение остаться у неё и помогать ей по хозяйству Рика без колебаний дала своё согласие.

После ужина Мария порылась в сундуке, собрала кое-какую одежду и положила её перед Рикой.

– Вот это тебе. Зараз пойдёшь у баню, яна ящэ тёплая, сённяя сама мылась; вымоешься и переоденешься, а твою одёжку мы прокипятим – так оно лучше буде. Чай, месяца три не мылась, горемычная?

– Ага, – подтвердила Рика.

– Во, во.

Так в семье добрых, верующих людей началась для Рики новая жизнь.

Она быстро усвоила свои обязанности: накормить корову, поросят и кур, принести воду из колодца, привезти на санках сухостой из леса; приходилось и смотреть за маленьким Алёшкой, к которому очень привязалась, может быть ещё и потому, что был он похож на Лёника, единственного, как считала Рика, кто остался ещё, возможно, жив, помимо неё, из большой семьи Вихриных. Она часто даже называла малыша Лёником, чему Мария ничуть не удивлялась, считая это уменьшительно-ласкательным от «Лёша».

Основную работу по хозяйству они обычно делали вместе с молодой хозяйкой. Но Мария часто болела, и в такие дни всё падало на плечи одной Рики. Однако это ничуть не смущало её, и она всегда охотно делала всё, что требовалось по хозяйству. В будничной суете и житейских заботах время проходило быстро и незаметно. Способствовало тому ещё и то, что под влиянием Марии Рика, совсем недавно активная комсомолка и ярая атеистка, стала верить в Бога. Она с увлечением читала по вечерам затрёпанную, замусоленную книжечку Нового завета, которую дала ей Мария; там всё было для неё таким загадочным и интересным. Простое любопытство, с которым она вначале приступала к чтению этой необычной книги, вскоре сменилось внутренней потребностью, чтение Завета вносило успокоение в её израненную душу.

Порой, когда в доме не было Марии, она становилась на колени перед иконами и, отбивая поклоны Богу, просила у него защиты и помощи.

– Господи, помоги нам одолеть врага! – шептала она. – Защити моих братьев, коли живы они ещё, Володю и Руву, не дай погибнуть Рафику и Лёнечке.

Но, видимо, молитвы её не доходили до Всевышнего.

В ноябре гитлеровцы начали генеральное наступление на Москву, и, выживший под Брестом, сложил свою голову под Смоленском её старший брат сержант Владимир Вихрин. Правда, об этом она узнает значительно позже. А тогда и сама она была на волосок от смерти.

* * *

Как-то вечером Мария, придя домой из соседней деревни, куда она ходила навещать родственников, сказала, обращаясь к Рике:

– Ты баньку-то истопи завтра с утра пораньше, гости приедут к нам, Илюхи, мужа маяго, братья. Попариться захочут. Их-то баню хтось спалиу. Добрэ – дом спасли.

– А кто спалил? – не поняла Рика.

– Да кто их знае. Видать, партизаны.

– Партизаны! – удивилась Рика.

– Ну да. Братья-то у полиции служат.

У Рики перехватило дыхание.

– Младшы, Серёга, – продолжала Мария, – той – добры хлопец, ничога дрэннага никому не зробить. А старшы, Юхим – зверь, не человек, ни старого, ни малого не пожалеет. Чуе моё сердце: не сносить ему головы.

Всю ночь Рика не могла уснуть, думала о предстоящем визите гостей. Кто знает, что им взбрédёт в голову? А вдруг не поверят, что она детдомовская, станут проверять?..

Утром, как только засеребрилось в окошке, она встала, наколола дров, растопила баню, залила воду в котёл.

Когда вошла в дом, Мария суетилась уже у печи.

– Я всё сделала, – сказала Рика. – Хочу в лес сходить, сушняк привезти. У нас мало осталось.

– Воду залила?

– Да, полный котёл. Дров только чуть позднее надо будет добавить в печку. Я там приговорила.

– Ну, иди, только поешь что-нибудь...

– Я не хочу сейчас, приду – поем, – думая, как бы скорее уйти в лес, сказала Рика.

– Ну, возьми тады кусок хлеба з салом.

– Ладно.

Рика хотела узнать, как долго будут гостить у них братья-полицаи, но никак не решалась спросить об этом Марию. У самой двери, наконец, осмелилась, спросила:

– А... гости долго пробудут у нас?

– Попарятся, самогонки выпьют да и поедут. Чаго им тут рабить? Им жа у город трэба ехать.

Рика вышла, взяла в сарае топор, санки, верёвку и отправилась в лес.

«Теперь понятно, – рассуждала она, – почему у всех в деревне немцы позабирали и скот, и птицу, а во двор Марии не заглядывали. У неё ведь такие важные покровители!»

«Интересно, – думала она. – Один брат со своим сыном сейчас в Красной Армии, а эти двое продались немцам.»

О том, как это случилось, она узнала позже от Марии. Юхим, до войны отслужив действительную, работал трактористом. Физически сильный, нахрапистый, к тому же любивший выпить, он нередко попадал в передряги, а затем и срок получил за хулиганство. Отсидев два года в тюрьме, он накануне войны вернулся домой.

В июле сорок первого, будучи мобилизованным в армию и находясь вместе с братом в запасном полку под Смоленском, он решил, что воевать ему с немцами ни к чему. Уговорив безвольного и слабохарактерного Сергея, они вместе дезертировали и лесными дорогами отправились домой. В родную деревню пришли, когда там уже хозяйничали немцы. Юхим сразу отправился в город и, предложив новым властям свои услуги, был принят на работу в полицию. Туда же вскоре затащил и младшего брата.

В отличие от напористого, энергичного Юхима, рьяно выполнявшего свои обязанности и неизменно получавшего за это благодарности от начальства, Сергея служба в полиции явно тяготила: особого рвения в служебных делах он не проявлял, за что ему постоянно приходилось выслушивать упрёки старшего брата, своего непосредственного начальника.

Изредка навещая семью Ильи, братья помогали Марии по хозяйству: то дров привезут и напилят, то ещё что-нибудь сделают. Мария при этом на угощение не скупилась.

В тот день они приехали рано. Починив ворота в сарае и попарившись в баньке, гости сели за стол.

– Самогонка у тябе добрая, – крикая от удовольствия и вытирая ладонью губы, заметил Юхим.

– Ящэ Илюхины запасы, – вспомнив мужа, вздохнула Мария. – Иде яны, бедныя, щас з Захаркою? Живые ти няма ужо их на энтот свете?

– Были б разумныя, щас бы з нами тут сядели, – хмуро бросил Юхим.

– Гэта як жа? – не поняла Мария.

– Не пашли б у армию, сховалися, вот бы и живы остались. Вон як мы з брательником. Верно, Сярёга? – покровительственно положив руку на плечо брата, спьяну лениво ворочая языком, сказал Юхим.

– Не знаю: можа верно, а можа – не, – недовольно снимая руку брата с плеча, ответил захмелевший Сергей.

– А як наши придуть, што тады? – глядя в глаза Юхиму, спросила Мария.

– Тяперь ужо не придуть. Такую силищу Красной Армии не одолеть. Вон Москву скоро возьмут, и войне конец, – уверенно рассуждал Юхим.

– Ящэ не известно, возьмут ти не возьмут, – наливая стакан, выразил сомнение Сергей.

– Возьмут! – отрезал Юхим.

В это время, проснувшись, заплакал Алёшка.

Мария прошла в другую комнату, взяла из кровати малыша на руки и села с ним за стол.

– Тяжка табе з им и з хозяйством управлятца? – то ли вопросительно, то ли утвердительно посочувствовал Юхим, опрокидывая в рот очередной стакан самогонки.

– Зараз полегче. У мяне добрая помошница есть, – ответила Мария.

– Помошница? – не понял Юхим.

– Ну да, дячына адна, сиротка.

– Што за сиротка?

– Детдомовская яна. Шла з Могилёва к родичам у Рославль, я и попросила яе пожить у мяне.

– Не жидоука, случаем? – насторожился Юхим.

– Не, нашей яна веры, русская. Вихрина яе фамилия.

– И давно яна у тябе?

– З месяц ужо. Красивая, работающая дячына.

- А иде ж яна щас? – поитересовался Сергей.
- У лес пошла сушняку привезти.
- Вихрина, кажаш? – переспросил, словно вспоминая что-то, уже изрядно захмелевший Сергей.
- Ага, Ритой звать.
- Трэба буде проверить, – сказал Юхим, отрезая ломтик сала и запихивая его в рот.

* * *

Большие санки были уже давно загружены сушняком и перевязаны верёвкой, Рика основательно замёрзла, но она всё медлила, выжидала, боялась возвращаться. А вдруг гости ещё не уехали.

Наконец она решила покинуть лес. Выйдя к опушке, долго смотрела вдаль, пытаюсь сквозь туманную дымку разглядеть дом Марии. Ни людей, ни лошади Рика там не заметила и направилась к дому. Однако беспокойство всё время не оставляло её.

Она была почти уже у самой ограды, когда вдруг заметила выходящего из-за бани человека. От неожиданности она вздрогнула и остановилась. Но человек уже увидел её, он стоял и внимательно смотрел на неё.

«Что же делать?» – подумала Рика. Сердце её учащенно заколотилось, тело с головы до пяток прошиб холодный пот. Но выбора не было, и она, с трудом сдвинув с места санки, медленно пошла навстречу опасности. А уже у самой бани с ужасом узнала в стоявшем человеке Сергея.

Летом прошлого года он со своим отцом перекрывали крышу у Вихриных. Рика им тогда по мелочам помогала: то инструмент какой-нибудь на крышу подаст, то доску, кормила их обедом. Она сразу понравилась Сергею, и он по-юношески увлёкся ею. А все эти маленькие знаки внимания к нему он расценивал как взаимное чувство, и это ещё более воспаляло его воображение. В его голове рождались всевозможные картины их любовных утех. Мысленно он часто сжимал в своих крепких объятиях эту красивую стройную девушку, целовал её пухлые, сочные губы.

Рике же этот угловатый деревенский парень с прыщавым лицом совсем не нравился, и его заигрывания с ней она терпела только вследствие своей внутренней интеллигентности и душевной доброты.

– Господи! Хоть бы он меня не узнал, – безнадёжно шептала она. От нервного напряжения у неё разболелся живот. – Боженька! Сделай так, чтобы он меня не узнал, – интуитивно закрывая платком лицо и ещё надеясь на чудо, повторяла она Всевышнему свою просьбу. Но чуда не случилось. Сергей сразу узнал её, как только она подошла ближе.

– Што закрываешься платком? Думаешь, я тябе не признаю?

«Всё, конец», – мелькнула у Рики мысль.

– Значит: з Могилёускага детдома? Так, так...

Рика молча смотрела на него, не зная, что сказать.

– Чаго маучыш? Думаешь – усё, хана? Не пужайся, я не выдам тебя. Там у доме мой брат, буде допрашивать – не сознавайся, стой на своём: детдомауская – и баста!

– Ага, – дрожащим голосом вымолвила Рика.

– Ты... это... – мялся Сергей. – В общем, нравишься ты мне, любя ты мне. Ящэ з прошлага году, кали крышу мы з батькой перекрывали вам. – И вдруг как обухом по голове: – Замуж пойдеш за меня?

Рика вздрогнула, её аж в жар бросило. Такого вопроса она никак не ожидала, не знала, что ответить. Согласиться она не могла, но и отказать нельзя было: Сергей мог выдать её.

– Мне... ещё рано, – неуверенно сказала она.

– Ничога не рано, – безапелляционно заявил Сергей. – У четверг приеду и забяру тебя. Жди.

Он по-хозяйски, уже как настоящий муж, взял санки, подтащил к сараю и скинул сушняк. В это время во двор вышел Юхим.

– Ага, зъявилась?! Ну-ка, дай я пагляну на тебя. – Юхим подошёл, бесцеремонно сдвинул ей платок на шею. – Так, ничога... Скольки ж табе гадоу?

– Пятнадцать, – поправляя платок, тихо сказала Рика, хотя ей исполнилось уже шестнадцать.

– Ну, а родом адкуль будешь?

– Юхим, ну што ты прыстау к деуке? – забеспокоился Сергей.

– Не твоё дело, – недобро глянув в сторону брата, резко ответил Юхим.

– Ну, дык адкуль ты родом? – держа Рику двумя руками за плечи, колюче глядя ей в глаза, повторил Юхим.

– Из Могилёва я, воспитывалась в детдоме.

– А иде ж твои батька и мамка?

– Умерли, я их не помню, – тихо сказала Рика.

– Не жидоука?

– Русская я.

– Ну ладно, Юхим, хватит, – не выдержал Сергей, – отпусти ты яе.

Он подошёл, легко отстранил брата и, обняв Рику за плечи, сказал:

– Иди, деука, у дом.

– Не, постой! – крикнул Юхим.

– Иди, иди, – повторил Сергей.

И Рика поспешила к дому.

– Стой, кажу! – требовательно повторил Юхим и направился было к Рике, но Сергей преградил ему дорогу.

– Остынь, остынь, Юхим, – пытался Сергей урезонить брата. Он развёл перед ним руки, не давая ему пройти. Юхим с силой ударил Сергея кулаком в подбородок. Тот, не устояв на ногах, опрокинулся навзничь и ударился головой о торчавший в плахе топор. Взъярённый, он вскочил на ноги и машинально рукой потрогал затылок – ладонь окрасилась в красный цвет. Взбесившись, словно раненый зверь, при виде крови, Сергей схватил топор, подвернувшийся под руку, и пошёл на брата.

– Ты што, ачумеу? Брось топор! Брось топор, кажу! – отступая назад, закричал Юхим и, выхватив пистолет, выстрелил вверх. На шум и выстрел выскочила во двор Мария.

– Господи! Вы што, зъясились? Братья ведь! – Она бросилась к Сергею.

– А ну, дай-ка мне топор!

Сергей, со злостью глядя на брата, но уже протрезвев, молча разжал пальцы. Мария взяла топор, бросила в сторону.

– Сопляк, на брата з топором! – пряча пистолет в кобуру, возмущался Юхим.

– Ты першы, – смывая снегом кровь с лица, оправдывался Сергей.

– Ладно, оба хороши, – мирила братьев Мария.

Она вынесла воду в ковше, помогла Сергею умыться. Затем завела его в дом, перевязала ему чистым полотенцем голову.

Юхим возился с лошадыю, готовясь к отъезду. Потом вошёл в дом, молча оделся, и гости тут же уехали.

– А з тобой, красотка, мы ящэ сустрэнемся, – обращаясь к Рике, бросил на прощание Юхим.

* * *

До четверга, когда должен был приехать Сергей, оставалось три дня.

«Что делать? – не переставала думать Рика. – Бежать? Куда? В лесу не укроешься – холодно, замёрзнешь. Может быть, уйти в другую деревню и там спрятаться? Удастся ли? Да и найдёт ведь её там Сергей. Что тогда?..»

Не раз, когда в доме не было Марии, подходила она к иконам в углу и шептала молитву.

Наступила среда, а она так ничего и не придумала. «Бог даст, – решила она, – удастся убедить Сергея отказаться от своей затеи».

На этот раз Всевышний, видимо, услышал Рикины молитвы.

В четверг, утром, к Марии явилась сестра Сергея и сообщила, что накануне ночью он был убит в бою с партизанами.

Гибель Сергея вызвала противоречивые чувства в душе у Рики. С одной стороны, она испытывала какое-то удовлетворение: не стало врага её родины и её народа, исчезли ощущения страха и внутренней напряжённости, которые были связаны с ним, и в то же время ей было в какой-то мере жаль этого парня, которому она, по сути, была обязана жизнью.

Однако, со смертью Сергея полного душевного покоя Рика не обрела. Она постоянно думала о Юхиме и брошенной им на прощание фразе: «А з тобой, красotka, мы ящэ сустрэнемся». Это была явная угроза. Что она означала? Была ли это просто болтовня пьяного человека, или за этим скрывалось что-то более серьёзное и опасное? Может быть, Юхим заподозрил, что вовсе она не детдомовская, а скрывающаяся еврейка, которых, слыхала Рика, нередко обнаруживали в окрестных сёлах и расстреливали? Все эти мысли не выходили у неё из головы, омрачали её душевное состояние.

* * *

Шла вторая половина февраля тысяча девятьсот сорок второго года. Как-то в один из дней Мария решила истопить баню и вымыть старую Ганну, а заодно и ей с Рикой вымыться.

Мария возилась в доме, а Рика, принеся воду из колодца, залила её в котёл, растопила печь в бане, затем стала расчищать дорожку от снега. В это время неожиданно во двор кто-то въехал. Среди трёх полицейских, соскочивших с саней, Рика увидела Юхима. В тревоге забилося сердце.

– Господи! Он всё-таки явился, – подумала Рика. – Что же делать? Они, наверное, приехали за мной?

Она продолжала убирать снег вокруг бани, искоса поглядывая на полицейских и словно их не замечая.

Оставив лошадь за сараем, гости направились в дом.

– Прймай гостей, Марья! – бросил с порога Юхим. – Мы тут рядом были, дай, думаю, к тебе заедем, можа, чаркой угостишь. Больно самогон у тябе добры. А закуску мы свою привязли. Во, возьми. Тут сало, мясо. – Он передал Марии увесистый белый холщовый мешок.

Полицейские разделись и сели за большой самодельный стол, стоявший в столовой, – его сразу после свадьбы смастерил своими руками Илья.

– Баба Ганна жива, здорова? – глянув на печь, спросил Юхим.

– Здорова, – махнув рукой (дескать, какое там здоровье?), ответила Мария.

– Кто гэта там? – зашевелилась на печи старуха. – Ты, Илья? – спросила она, забыв, что Илья давно на фронте.

– То Юхим, мама! – громко сказала Мария.

– А, Юхим, – равнодушно произнесла Ганна и, повернувшись на другой бок, тут же задремала.

– Баню мы сёння истопили, купать яе будем, – сказала Мария.

– А можа, хлопцы, и нам папарыцца, а? – обратился к полицейским Юхим.

– Не, я не хочу, – ответил один из них.

– Я тожа не буду, – отказался другой.

– А я, пожалуй, попарюсь, – сказал Юхим, садясь на скамейку.

Мария между тем поставила на стол бутылъ самогона, приготовила закуску. Гости принялись за привычное дело.

– Што гэта твая деука у хату не заходить? – закусывая огурцом, спросил Юхим Марию.

– Хозяйством занимается, – ставя на стол сковороду с жареным салом, ответила Мария. – Яна дяучына работающая, добрэ памагае мне.

– Марыя, поросят накормила? – встрепенулась на печи баба Ганна.

– Накормила! – недовольная назойливостью матери, ответила Мария. – Ты спи, спи, мама!

– Ага, – успокоилась старуха.

– Ну, вы тут закусывайте, а я пойду попарюсь, – сказал Юхим, вставая из-за стола. – Я мигом.

Мария подала ему кусок чистого серого холста вместо полотенца, и он вышел во двор.

Рика заканчивала очищать от снега дорожку к бане, когда к ней подошёл Юхим.

– Ну, вот мы зноу сустрэлись, красавица. Ты што ж у хату не зашла? Спужалась але брезгуешь?

Глаза Юхима горели недобрым огнём.

– Не брезгую, просто работать надо, – задыхаясь от волнения, но стараясь, как можно спокойнее, ответила Рика.

– Я знаю, ты жыдоука!

Юхим крепко держал её одной рукой за косу, другой – за подбородок. Его налитые кровью глаза сверлили Рiku насквозь.

– Русская я!

– Брэшэш! По глазам бачу. Мяне не обманеш!

– Русская я! Пустите меня, мне больно! Пустите!

– Бальней буде, кали не пойдеш зараз со мной у баню.

Рика поняла, что он хочет от неё. «Нет, только не это!» – подумала она.

– Пустите! Никуда я не пойду с вами!

– Пойдеш! – Юхим намотал её косу на руку и потащил в баню.

– Мама! – успела она от отчаяния крикнуть, прежде чем Юхим заткнул ей рот куском холста.

Полицай отворил ногою дверь в баню и, бросив девушку на холодный пол, навалился на неё всем своим грузным телом. Рика отчаянно боролась, как уж, извивалась, пытаясь освободить завёрнутые за спину руки, коленями упиралась в живот насильника; она не кричала, не звала на помощь – знала, что никто её не услышит, никто не поможет; обречённая, умываясь слезами, теряя последние силы, она лишь всячески оттягивала неизбежный и скорый конец.

И в тот миг, когда он должен был наступить, в пылу борьбы Рика не заметила, как в баню кто-то вошёл, и взметнувшийся в чьих-то руках топор опустился на голову полицая. Она лишь услышала какой-то непонятный мягкий удар над собой и одновременно стон Юхима и ощутила вдруг, как ослабело и обмякло его тело. Ещё полностью не сознавая, что же случилось, она брезгливо откинула его в сторону и вскочила на ноги. В сером сумраке Рика не сразу узнала стоявшего перед нею брата.

– Это ты?! – не веря своим глазам, наконец, спросила она, опешивши.

– Ну я, кто же ещё? – бледный и дрожавший от волнения, с опущенным топором в руках, ответил Рува.

– Господи! Я думала, тебя давно уже нет в живых.

Она обняла брата, прижалась к щеке, орошая его лицо своими слезами.

Смущённый её слезами Рува, отвыкший от столь тёплой домашней ласки, стоял, опустив руки, не решаясь обнять и поцеловать сестру.

– Как ты появился здесь? Ты словно с неба упал. Видно, Бог услышал мои молитвы.

* * *

... В ту холодную октябрьскую ночь, когда, выйдя из города, они наткнулись на полицейских, Руве удалось уйти от преследования. Полицаи, добежав до опушки, в лес не рискнули углубляться и, постреляв в темноту, вернулись к своему укрытию у дороги.

Гонимый страхом, Рува всю ночь петлял по лесу, пока, вконец обессиленный, не упал на кучу хвороста и тут же не уснул.

К утру он бы наверняка замёрз, если бы на рассвете его не обнаружили двое партизан, возвращавшихся с задания к себе на базу. Это были начальник разведки отряда, коренастый, кряжистый и гибкий, словно молодой дубок (его в отряде так и звали – «Дубок»), Семён Дворин и совсем ещё молодой Андрей Уголев, сын партизанского комиссара Михаила Уголева.

Андрей первым заметил лежавшего под сосной, слегка запорошённого снегом Руву.

– Гляди, Дубок, – шепнул он и показал в сторону развесистой сосны. С двух сторон они осторожно подошли к свернувшемуся в клубок Руве.

– Эй, парень, – тронул его за плечо Дубок, – живой?

Рува открыл глаза и не сразу сообразил, где он и что с ним.

Затем вдруг мелькнула мысль – полицаи! Он рванулся и хотел было бежать, но закованные ноги не слушались его, и он беспомощно упал на спину.

– Ты кто такой? – строго спросил Дубок.

– Юра Вихрин. Детдомовский я, из Могилёва, – ответил Рува, с трудом поднимаясь на ноги.

– А почему здесь, в лесу, оказался?

– Иду к своему дяде в Рославль, заблудился я.

– И давно ты идёшь?

– Больше двух месяцев уже, – входя в роль, гнул свою линию Рува.

Поведение и ответы парня показались Дубку подозрительными. «Не шпионит ли этот пацан тут в лесу за нами, – подумал он, – база ведь недалеко отсюда? Надо проверить».

– Ладно, пойдём с нами, – сказал Дубок, – поможем тебе добраться до твоего дяди.

О партизанах в ту пору Рува ничего не слышал и не сомневался, что попал в руки полицаев. «Надо бежать, – подумал он. – Но как?» «Полицаи» всё время были настороже, шли рядом, и всякая попытка оторваться от них исключалась. А вскоре Дубок нахлобучил ему шапку на глаза (благо она была ему велика), чтоб не видел, куда они идут, и его повели под руки.

По прибытии на базу, убедившись, что находится среди своих, Рува, тем не менее, не зная, как отнесутся к этому партизаны, исповедоваться перед ними, рассказывать им всю правду о себе не стал, а продолжал придерживаться своей детдомовской легенды. Так во второй половине октября сорок первого года в партизанском отряде «Чапай» появился новый боец – Юрий Вихрин. Поначалу к нему приглядывались, затем стали брать на задания. Маленькая, тщедушная фигура мальчишки не вызывала каких-либо подозрений у окружающих; он появ-

лялся в деревнях и на ближайшей железнодорожной станции, добывая для партизан нужные сведения.

* * *

Морозным февральским утром группа из десяти человек во главе с Дубком выехала на двух санях из лагеря для проведения важной операции: в одной из дальних глухих деревушек предстояло собрать народ и рассказать людям о разгроме немцев под Москвой.

Выбор пал на Сосновку: деревня эта находилась в стороне от большой дороги, у самого леса (удобно было подъехать незамеченными), не было там и постоянного полицейского поста.

Бордовый диск холодного зимнего солнца прятался ещё где-то за верхушками деревьев, когда партизаны остановились на лесной опушке. В километре впереди чернели на снегу домики Сосновки.

Дубок вытащил из футляра трофейный цейсовский бинокль и стал наблюдать за деревней. Она казалась сонной и неживой: улица была пуста, во дворах тоже никого не видно было. Лишь струйки дыма над печными трубами, уносимые ветром куда-то вдаль, указывали на то, что деревня проснулась. Единственная живая душа, которую Дубок сумел разглядеть, была женщина в крайнем дворе, колочая дрова. Вот она воткнула топор в плаху, взяла охапку дров и понесла в баню, над которой тоже вился сизый дымок. Выйдя из бани, женщина стала расчищать дорожку от снега.

Ничего подозрительного.

«Вроде бы всё спокойно», – вслух подумал Дубок. Потом повернулся к Руве:

– Сходи-ка, Юра, уточни, что там делается. Видишь, вон женщина в крайнем дворе? – Дубок дал ему свой бинокль.

– Ага.

– Пойди, поговори с нею. Оружие оставь. Спроси, есть ли в деревне немцы или полицаи. Если есть, узнай, сколько их и где располагаются. Понял?

– Ага.

– Если всё спокойно, махнёшь вот так шапкой. – Дубок показал как, – А нет —возвращайся, будем решать, как действовать. Всё понял?

– Ага.

– Иди с богом.

Сокращая путь, Рува свернул с дороги и по заснеженной тропинке направился прямо на видневшийся вдалеке сарай. Подойдя к ограде, он обратил внимание на стоявшую за сараем, со стороны, которая не просматривалась из леса, запряжённую в сани лошадь. Сани были не обычные крестьянские розвальни, а с задком, покрашенные в зелёный цвет.

Рува в нерешительности остановился. Какая-то неясная тревога удерживала его от того, чтобы подойти к женщине и начать с ней разговор. Его насторожила и сама рослая, явно армейская, лошадь, которая лениво жевала лежавшее перед нею сено, и столь же не простые санки.

Мгновение поколебавшись, он шагнул через нехитрую изгородь – две параллельные жерди – и, утопая по колено в снегу, подошёл к сараю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.